

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

УДК 398.61

¹ Воробьева Л.Б., ¹ Митченко З.В.

¹ Псковский государственный университет

Детский фольклорный дискурс регионального характера как ресурс для изучения коммуникации детей

Аннотация: статья посвящена изучению детской коммуникации в псковском фольклорном дискурсе. В качестве объекта изучения выбраны поддевки, дразнилки и загадки как отдельные жанры модуля «Детский фольклор» регионального цифрового кластера, поскольку они демонстрируют элементы провокативного дискурса. Работа выполнена в аспекте проблем филологической регионалистики – изучения псковской народной речи и псковского фольклора. Повествовательные тексты являются важнейшими единицами коммуникативной диалектологии, и именно диалектная система национального языка эксплицирует традиционную культуру. Введение в научное использование нового эмпирического материала позволяет рассматривать вопросы субкультуры детей в междисциплинарном ключе: в аспекте лингвокультурологии, этнопедагогики, психологии. Специфика материала заостряет дискурсивный аспект темы и позволяет изучать словесные формы бытования сферы «детского», способы ее репрезентации в языке. В исследовании применяются методы социально-гуманитарных научных направлений: когнитивно-дискурсивный, системно-структурный, метод контекстного анализа. Авторы приходят к выводу о том, что псковский фольклор – часть общерусского фольклора и тексты многих жанров, в том числе и детского фольклора, записанные на Псковщине, представляют варианты известных общерусских сюжетов. Специфические черты, связанные с языковыми диалектными особенностями в области фонетики, лексики, грамматики в жанрах детского фольклора малочисленны.

Ключевые слова: детский фольклорный дискурс, провокативный дискурс, поддевка, загадка, дразнилка, электронная база данных, субкультура детства, коммуникация детей, псковская народная речь

Для цитирования: Воробьева Л.Б., Митченко З.В. Детский фольклорный дискурс регионального характера как ресурс для изучения коммуникации детей // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 16 – 24.

Поступила в редакцию: 02 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

¹ Vorobyova L.B., ¹ Mitchenko Z.V.

¹ Pskov State University

Children's folklore discourse of a regional nature as a resource for studying children's communication

Abstract: the article is devoted to the study of children's communication in the Pskov folklore discourse. The object of study is the mockery, taunts, and riddles as separate genres of the "Children's Folklore" module of the regional digital cluster, which demonstrate elements of provocative discourse. The work is carried out in the aspect of the problems of philological regional studies, which is the study of the Pskov folk speech and Pskov folklore. Narrative texts are the most important units of communicative dialectology, and it is the dialect system of the national language that explicated the traditional culture. The introduction of new empirical material into

scientific research allows us to consider the issues of children's subculture in an interdisciplinary manner, from the perspective of linguoculturology, ethnopedagogy, and psychology. The specificity of the material highlights the discursive aspect of the topic and enables us to study the verbal forms of the "childhood" sphere and the ways in which it is represented in language. The study uses methods of social and humanitarian sciences, such as cognitive-discursive, systemic-structural, and contextual analysis. The authors conclude that Pskov folklore is part of the all-Russian folklore, and the texts of many genres, including children's folklore, recorded in Pskov, represent variations of well-known all-Russian plots. The specific features related to linguistic dialectal characteristics in the fields of phonetics, vocabulary, and grammar are limited in the genres of children's folklore.

Keywords: children's folklore discourse, provocative discourse, mockery, riddle, taunt, electronic database, childhood subculture, children's communication, Pskov folk speech

For citation: Vorobyova L.B., Mitchenko Z.V. Children's folklore discourse of a regional nature as a resource for studying children's communication. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 16 – 24.

The article was submitted: November 02, 2025; Approved after reviewing: November 16, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена ростом внимания специалистов разных областей к проблемам детства. В связи с тем, что важным атрибутом детства как особого социокультурного феномена является детский фольклор, изучение отдельных его жанров регионального характера позволяет выявить в вербальном дискурсе ребенка способы его идентификации. Построение модели регионального цифрового кластера, содержание которого представляет традиционную народную культуру и язык Псковского региона, осуществляется впервые. Посредством актуальных форм представления детского фольклорного дискурса регионального характера в научный обиход вводится значительный по объему эмпирический материал, не изучавшийся на материале псковского фольклорно-диалектного архива ранее.

Целью статьи является раскрытие потенциала детского фольклорного дискурса как ресурса для изучения коммуникации детей. Тема детства, изучаемая на региональном фольклорном материале, заостряет необходимость разграничения ряда смежных понятий. Традиционное понимание детского фольклора как разновидности устного народного творчества, созданного взрослыми для детей или самими детьми и воспроизводимого в детском возрасте, при когнитивно-коммуникативном подходе рассматривается в «единстве текста и языковой действительности», т.е. как дискурс [12, с. 8]. Как отмечает Н.В. Большакова, «детский фольклор – важный атрибут детства... Изучение традиционного детского фольклора позволяет выявить в его вербальном дискурсе формы идентификации ребенка, способы обретения им защитных механизмов» [3, с. 1065].

Детский дискурс, по мнению Л.А. Моргуновой, – это феномен формирующейся языковой личности ребенка, включающий в себя не только вербальную составляющую (речевую продукцию детей), но и ментальную (эмоции, интенции, специфику мозговой организации в онтогенезе) [10, с. 87], это «речевая деятельность детей от 1,5-2 до 5-6 лет, обусловленная особенностями когнитивного развития данного возрастного периода» [8, с. 7]. Из определений следует, что авторы не отождествляют понятия детский дискурс и детская речь.

Фольклорный дискурс – это особый тип коллективной речевой деятельности, «специфическое образование», которое реализуется в ряде «устойчивых коммуникативных ситуаций, обслуживающих разные сферы человеческой деятельности» [12, с. 8] и стабилизирует жизнь социума. В детском фольклорном тексте пересекаются различные прагматические и социокультурные векторы [18, с. 100].

В настоящее время изучению темы детства посвящено немало исследований по культурологии, этнографии, фольклористике, этнопедагогике, что подтверждает полидисциплинарный характер данной темы. Специалисты разных областей, выявляя лакуны в изучении мира детства и образа ребенка, пытаются осуществить разноаспектное описание феномена детства.

Особенности мира детства позволяют выявить произведения различных фольклорных жанров, представленных в псковском фольклорно-этнографическом и диалектном архиве. Отдельные специфические черты детского фольклорного дискурса выявлены в текстах псковских мифологических рассказов [5], закличек [3], а также псковских сказок [7]. Данные повествовательные тексты являются важнейшими единицами коммуникативной диалектологии, а, как известно, диалектная система наиболее полно отражает традиционную культуру. Так, например, в сказках отражаются детали семейного и земледельческого обрядо-

вых циклов (свадьба, похороны, жатва, колядование, «ярмонки») и связанные с ними обычаи. Коллективом лаборатории «Социогуманитарная регионика» по данным текстам зарегистрированы электронные базы данных (ЭБД): «Народные сказки Псковского края (по материалам псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива)» (2015, № свидетельства 2015621793) и «Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья» (2025, № свидетельства 2025620568).

Очевидно, что тема детства особо ярко отражается в детском фольклоре, поэтому настоящее исследование строится на основе неопубликованных текстов псковского детского фольклора. В связи с проведением исследования учеными Псковского государственного университета осуществляется цифровизация хранящихся в архиве текстов традиционного детского фольклора в виде ЭБД. Введение информационных технологий в научно-практическую работу позволяет обеспечить не только сохранность вербальной народной культуры, но и системное представление значимого регионального материала. Подчеркнем, что ЭБД «Детский фольклор» является отдельным разрабатываемым модулем регионального цифрового кластера. Под региональным культурным кластером понимается единая система взаимосвязанных электронных форм, содержание которых представляет традиционную народную культуру и язык Псковского региона.

Для создания ЭБД по детскому фольклору сотрудниками лаборатории было отобрано и атрибутировано более 4000 текстов разных жанров традиционного детского фольклора (детский магический, обрядовый и игровой фольклор, а также колыбельные песни, пестушки, потешки, прибаутки, загадки и др.). Помимо текста в базе отражается место (район) и год записи, сведения об информанте (возраст, пол), а также ключевые слова. Поисковый запрос может осуществляться по любому из заданных параметров, что позволяет оперативно представить в компактной форме большой объем данных.

Актуальность создания регионального цифрового кластера, перспективы его развития, важность систематизации архивного материала для обеспечения его сохранности и расширения возможностей доступа путем цифровой обработки не вызывают сомнения [4]. С внедрением кластеров как черты региональной политики связывается развитие и стабилизация этнокультурных ценностей, что особенно актуально для молодежной среды [2, с. 179].

Материалы и методы исследований

Проблема исследования, ее междисциплинарный характер предполагает применение комплекса методов социально-гуманитарных научных направлений. При выявлении коммуникативных интенций, вербализованных в региональном фольклорном дискурсе, использовался когнитивно-дискурсивный метод, при выявлении особенностей языка фольклорных текстов (поддевок, загадок, дразнилок) – системно-структурный метод и элементы контекстного анализа.

Результаты и обсуждения

Знакомство с народным творчеством очень важно именно в детские годы, когда процесс формирования характера и представления о собственной идентичности коррелируют с механизмом осознания самобытности и эстетической ценности родного языка, транслирующего исторические, культурологические, аксиологические факты традиционного быта [18, с. 100]. Как отмечает О.В. Стрелкова, одной из важнейших функций детской субкультуры является «регуляция взаимоотношений между членами игрового сообщества, так как житейский опыт усваивается ребенком задолго до приобретения научных знаний» [16, с. 92]. При этом вербальный способ владения коммуникативными составляющими детской субкультуры автор считает необходимым для построения отношений дошкольника со сверстниками [16, с. 93]. Настоящая публикация продолжает серию исследований отдельных жанров детского фольклора, содержащегося в диалектном и фольклорно-этнографическом архиве лаборатории «Социогуманитарная регионика» Псковского государственного университета, и посвящена изучению поддевок, дразнилок и загадок, как элементов регионального детского фольклорно дискурса. Как представляется, все эти жанры связаны с провокативным дискурсом, когда сообщение коммуникантов прагматически направлено и связано с провокацией, т.е. действием, производимым с целью вызвать реакцию или ответное действие. Провокативный дискурс рассматривался учеными [9, 14, 15], но не на фольклорном материале.

Поддевки – это «вид детской лирики осмеяния» [6, с. 22]. ЭБД включает 48 поддевок. Особенность данного жанра, по наблюдениям Г.С. Виноградова, заключается в том, что словесная «атака» не имеет резкого, оскорбительного характера и поэтому не вызывает обиду, неприятным является «самый факт оказаться поддетым. Таким образом поддеть можно только неопытных, малообщительных ребят. Общительные и живые ребята обыкновенно быстро запоминают ходячие поддевульки и могут поддаться только на что-нибудь неожиданное и новое» [6, с. 23].

Коммуникативная интенция доминирования реализуется в поддевках: У тебя ноги в пуху. Поклонилась жениху! / У тебя ноги в тесте. Поклонился невесте! (нередко эти поддевки объединяются в один текст). По-

добные поддевки связаны с действиями: наклонившись, один ребенок как будто подчиняется другому (условно выражает согласие на то, чтобы называться женихом / невестой). При этом в самом детском дискурсе содержится и интенция, подчеркивающая равенство коммуникантов, запрет на подчинение одного ребенка другому, учит ребенка, подчиняющегося самоуважению: У тебя на ногах грязь. Не кланяйся, я тебе не князь!

Серия поддевок строится на игре со словом. В структурном отношении поддевки данного типа – это короткий диалог, содержащий провокацию и ответную форму. Так, на просьбу произнести какое-то слово (скажи) ожидаемо поступает небезобидный ответ: – Скажи: «лук». – Лук. – По лбу стук! / – Скажи: «двести». – Двести. – Голова в тесте / – Скажи: «полотенце». – Полотенце. – Твоя мама родила немца. При этом над тем, кому была адресована поддевка, смеялись.

На принципе сближения созвучных слов основаны такие поддевки, как: – Поняла? – Здесь не Япония, а Советский Союз! / – Конечно! – Конюшня тоже помещение / – Вообще! – В обществе хорошо, а в коллективе лучше. Так проявляется способность детей подмечать особенности звучащей речи и создавать провокативные тексты с целью демонстрации своего превосходства. В детской коммуникации слова понял(а), конечно, вообще маркированы. Так, «Понял?» может прозвучать как угроза, «Конечно!» – как несогласие, «Вообще!» – как возмущение. И именно эти маркеры провоцируют ответные поддевки устойчивого характера.

Как пишет Г.С. Виноградов, «невозможно указать, что не дает поводов для проявления детской издевчивости» [6, с. 7]. Даже ослышка может стать предметом поддевки, так проявляется нетерпимость детей к невовлеченности в коммуникацию другого участника: – А? – Ворона кума, Галка крестница, с тобой ровесница.

В детской среде часто происходит обмен игрушками, угощением. Группа поддевок содержит форму отказа. В ответ на просьбу: Дай одну (или конфетку, или игрушку) можно было услышать: Пойдешь ко дну. – «Ну, дай две... – Уже на дне. – Дай три. – Нос подотри. В отдельных случаях отказ, нежелание делиться приобретало резкие формы. В ЭБД содержится поддевка и пояснение информанта к ней: «Если кто-то просил у меня конфетку, я отвечала на его «дай» так: «Полай!». Он лаял: «Гав, гав». Я отвечала: «Кто лает, тот не получает».

Таким образом, поддевки, функционирующие в детском фольклорном дискурсе, – это не столько способ прибавиться, сколько элемент провокации и вербально закрепившейся реакции на нее.

Поскольку межличностная детская коммуникация еще не имеет устойчивых регулятивных поведенческих механизмов, присущих миру взрослых, и представление о том, что допустимо / недопустимо, прилично / неприлично в вербальном выражении по отношению к другому только формируется, то у детей больше свободы в выборе поводов и вербальных средств для создания / применения дразнилок.

Дразнилки – значительная по объему группа детского фольклорного дискурса. ЭБД включает 753 примера этого жанра. В ЭБД жанр «дразнилки» объединяет два типа текстов: дразнилки, в том числе и дразнилки по именам (289 и 377 текстов соответственно), и «антидразнилки» (55 текстов). Дразнилки и «антидразнилки» в региональном детском фольклорном дискурсе функционируют как результат речевого взаимодействия субъекта дразнящего и субъекта, подвергающегося словесной провокации. При этом реплики первого побуждают второго к ответу по принципу «стимул» – «реакция». Дразнилка становится актом провокации, природа которой сложна и нередко связана с состоянием самого дразнящего. В.Н. Степанов, изучая провокативный дискурс, отмечает: «провоцирование» обозначает символическое представление («показывание») говорящим реально испытываемых или имитируемых эмоций, чувств, состояний с целью заразить ими собеседника и вызвать у него аналогичное внутреннее состояние, которое не соответствует его актуальному состоянию» [15, с. 6].

Коммуникативные интенции дразнящего неоднородны. По словам Г.С. Виноградова, «дразнилка заключает в себе шутку вообще, а в разбираемой группе детского словесного творчества непременно скрыто намерение донять, обидеть, извести человека» [6, с. 11]. Преимущественное большинство псковских дразнилок содержит намерение вербально задеть члена детской субкультуры, проверить его на способность / неспособность отстоять свои границы и дать словесный ответ: Вовка-морковка, Спереди винтовка, Сзади барабан, На носу таракан. Распространенный тип дразнилки по имени строится в данном случае как описание внешности, причем образ создается из столкновения несопоставимых понятий. Структурно дразнилки этого типа содержат антропоним и рифмующееся с ним имя (как правило, существительное), обозначающее разные, часто устойчивые, образы: Нинка-корзинка, Галка-палка, Ленка-пенка, Ирка-дырка, Лешка-лепешка, Сергей / Андрей-воробей и др. С.Н. Смольников, рассматривая функциональный аспект антропонимов в детской дразнилке, отмечает: «Дразнилка как фольклорный текст отражает достаточно архаичное по своей природе явление: причинение ущерба личному имени» [13]. В псковском материале встречается

дразнилка Сашка-Машка, в которой дискредитация имени строится по принципу обесценивания мужского имени за счет рифмовки с женским.

Отметим, что такие дразнилки могут функционировать и как двукомпонентные, и как развернутые стишки. Так, имена Митя, Витя рифмуются с соматизмом титя и его производным титька: Митя-титя, нос горбатый, Приходи ко мне с лопатой, Будем ямочку копать, Митю-титю зарывать (поливать) / Витька-титька, нос горбатый, Приходи ко мне с лопатой, Будем ямочку копать, Витьку-титьку зарывать. Эвфемизация наименования соматизма (титя / титька) становится способом преодоления табу и снижает резкость дразнилки, которая характеризуется и мотивом угрозы, проявляющемся в элементах погребального обряда (копать, зарывать): Будем ямочку копать, Витьку-титьку зарывать.

Другой вариант дразнилки по имени: Витя-титя, колбаса, Тухлая капуста. Съел мышонка без хвоста И сказал, что вкусно – строится с использованием гастрономического дискурса. В качестве устойчивых образов гастрономического дискурса в дразнилках функционируют как наименования пригодных для пищи продуктов: колбаса, рыба, картошка, лепешка и др., так и испорченных продуктов или даже совершенно несъедобных объектов: тухлая / дряблая капуста, мышка и др.: Ленка-пенка, колбаса, Тухлая капуста, Съела мышку без хвоста И сказала: «Вкусно!» / [Имя, имя] – колбаса, Дряблая капуста, Съела рыбу без хвоста И сказала: «Вкусно!» Несоответствие непригодного для употребления в пищу и положительной оценки «Вкусно!» рождает эффект абсурда и призвано позабавить ребенка, а, возможно, и разозлить, даже вызвать раздражение. На этом же эффекте нагнетения гастрономических образов строятся дразнилки Жиро-мясокомбинат, пром-сосиски, лимонад / Ананас, Ананас, ввалился в квас.

Детский фольклорный дискурс содержит и восприятие ребенком голода в военные / послевоенные годы: Лешка – лепешка из мерзлой картошки. Мерзлая картошка непригодна для питания, но в годы военного и послевоенного детства в пищу употреблялась не только мерзлая картошка, но и очистки. Детское сознание сохранило ощущение лишений, но вербализация в жанре дразнилки показывает, как естественно ребенок переживает даже такие испытания.

Коммуникативная интенция порицания асоциального поведения или отдельных свойств характера, не одобряемых членами детской субкультуры, реализуется в следующей группе дразнилок. Дразнящий подмечает в дразнимом трусость: Женька-трус на войну собрался, Как увидел пулемет, сразу испугался / Вовка-трус на войну собрался, Как увидел пулемет, сразу испугался / Трус-трус, белорус В озере купался, Как увидел лягушонка, Сразу испугался; порицает в нем присвоение чужого: Юра, Юра, погоняй, Две копеечки отдай; жадность, неготовность чем-то делиться: Жадина – говядина, Пустая шоколадина; стремление быть лидером, командовать, выделяться на фоне других, зазнаваться: Командир полка – Нос до потолка, Уши до дверей, Сам как муравей. Дразнящий подмечает и склонность дразнимого реагировать слезами на причиненную обиду: Рева – корова / Плакса, вакса, гуталин на носу горячий блин; жалобщика, выходящего за границы детской субкультуры и привлекающего взрослых к разрешению детских конфликтов, называли ябедой: Ябеда – беда, по колено борода / Ябеда – корябеда, соленый огурец, На полу валяется – никто его не ест.

Наблюдательность детей по отношению друг другу проявляется в маркировании особенных внешних признаков дразнимого и их намеренному осмеянию: Рыжий, рыжий, конопатый, Убил дедушку лопатой / Петр лысый Погнался за крысой, Крысу не догнал, Лысину ободрал. При этом дразнимый может и не обладать этими признаками в действительности (рыжий, лысый и др.), они ему навязаны. Для подчеркивания небольшого роста, а, возможно, и недостаточной зрелости дразнимого в детской субкультуре нередко используется литота: А наш Ванька маленький, Чуть побольше валенка.

Не только внешние признаки, но и межличностное взаимодействие членов детской субкультуры, зарождающаяся симпатия между мальчиком и девочкой становится предметом серии дразнилок о женихе и невесте: Тили-тили-тесто, Жених и невеста, По полю катались, Крепко целовались / Тили-тили-тесто, Жених и невеста По полу валялись, Крепко обнимались! / Парочка, парочка – Баран да ярочка / Жених и невеста Сколотили тесто, Тесто засохло – Невеста сдохла.

Желание дразнящего обратить на себя внимание, чтобы подружиться с другим членом детского сообщества, реализуется в дразнилке Ирка-дырка, Хвост трубой, Давай подружись с тобой. Коммуникативная интенция содержит противоречие: за формой обзывательства скрывается намерение не обострить, а, напротив, наладить взаимоотношения с дразнимым вплоть до дружеских.

Устойчивость образов дразнилок обуславливает их воспроизводимость в ответных на дразнилку фразах, в «антидразнилках». Так, серия дразнилок содержит образ дурака: [Имя]-дурак Курит табак, Спички ворует, Дома не ночует, Спит под забором, Зовут его вором. Ответная формула на данный тип дразнилок зачастую строится на противопоставлении дураков и умных. При этом подчеркивается сообразительность дураков, которые, хоть и «дураки», но всегда проявляют смекалку и находятся даже в более выигрышном по-

ложении по сравнению с умными: Дураки на поезде катаются, А умные под поездом валяются / Дураков в больнице лечат, А умных палками калечат / Дураки едят пироги, А умные – картошку.

Дразнимый нередко соглашается с навязанным образом, подчеркивая все его преимущества, например, наличие покровителя и благ, которые он дает: Я дурочка-Снегурочка, Мой папа – Дед Мороз, Мне подарочки принес. Или же отмечает, что за образом «дуры» скрывается, на самом деле, умный человек. Эта ответная формула строится как перевертыш – дура оборачивается умным человеком: Дура – дура не на век. Дура – умный человек / Дурак не на век, Встал и побег.

Если дразнилки содержат коммуникативные интенции, то «антидразнилки» позволяют установить, как дразнимый воспринимает дразнилки и вербально реагирует на них. Например, Кто обзывается, Тот так и называется. Это ответная формула универсальна, она может стать ответом на любую дразнилку – дразнилка воспринимается как обзывательство, и дразнимый перенаправляет адресованные обидные / неприятные слова дразнящему, как бы освобождаясь от несправедливых слов и возвращая их обидчику. Вместе с тем, «антидразнилка» может характеризоваться синкретизмом, т.е. сочетать и ответные обидные слова и возвращение дразнилки: Дразнило, дразнило – Собачье рыло! Кто обзывается, Тот сам так называется. Формула отстранения от негативных слов реализуется и в дразнилке Касса закрыта – Ключи у меня. Кто обзывается – Сам на себя. Неуязвимость дразнимого подчеркивается осознанием того, что никакие обидные слова не способны нанести вред, поскольку он осознает высокую природу человека: Обзывайся целый век, Все равно я – человек. Обзывайся целый год, Все равно ты – бегемот. Дразнилка может восприниматься и как насмешка: Смешно дураку, У кого нос на боку. Ответная формула строится по принципу ответных обидных слов.

Таким образом, дразнилка, функционируя в детском фольклорном дискурсе регионального характера, становится одним из способов вхождения ребенка в круг сверстников и помогает его адаптации в детской субкультуре. Ответная вербальная реакция на дразнилку или ее отсутствие становится для ребенка детского возраста одним из первых способов осмысления своих границ, постижения собственной идентичности. Клишированность формы дразнилок, устойчивость отдельных образов, диктат рифмовки не противоречат детской способности к словотворчеству и позволяют рождать многочисленные варианты текстов дразнилок.

Если дразнилки функционируют только в детской межличностной коммуникации и представляют замкнутую систему, то жанр загадки проникаем, поскольку мир взрослых и детей пересекается (как правило, взрослые задают детям загадки в разных педагогических целях).

В ЭБД по детскому фольклору выявлено 249 загадок, отражающих лингвистический и страноведческий потенциал, который помогает развивать коммуникативные и когнитивные навыки детей. Загадка, как древнейший малый жанр фольклора, является достоянием как взрослой, так и детской традиции. Изначально, бытуя в среде взрослых, она была связана с ритуалами охотников, торговцев, входила в календарные, свадебные обряды как одно из испытаний героя. Позже загадка от взрослых перенималась детьми, становясь продуктом их собственного творчества и в итоге – важной частью активного использования. Загадки играют важнейшую роль в формировании личности ребенка: развивают остроту ума, логику, воображение, нестандартность мышления, внимательность, находчивость, чувство юмора.

В псковском материале встречаются традиционные загадки, в которых представлено метафорическое и метонимическое описание предметов и явлений окружающего мира. Метафора как средство художественной выразительности является одним из часто используемых приемов для построения загадки. Природа, земля и небо, домашние и дикие животные, быт, хозяйство, обиход – это явления, охваченные загадками. «Метафора в народной загадке – это не безликая метафора внационального образца, а плоть и кровь национального быта, национального самосознания» [17, с. 167]. Метафорически описываются части тела человека: Полон хлевец белых овец (Рот и зубы) / Полон засечек белых яичек (Зубы во рту) / Пять братьев: годами равные, ростом разные (Пальцы) / Два брата через дорожку стоят, а никогда не видятся (Глаза). Образ братьев в загадках используется для метафорического описания либо парных предметов (глаза, ножницы и т.п.), либо разнородных предметов, связанных единством ситуации (пять братьев – пальцы, четыре брата – ножки стола). Одноструктурными являются загадки про рот и зубы, в которых используются названия значимых для крестьянского быта построек – хлева и засека. В загадках наполненность этих помещений обусловлена тем, какое хозяйственное назначение они имели: хлев, хлевек – это теплая постройка для мелкого скота, следовательно – там белые овцы. Засек, засечек – огороженное место в амбаре для зерна, значит, там яйца. Интересно, что в Псковском областном словаре с историческими данными на слово засечек в качестве примера приведена загадка Полон засечек красных овечек (Печь, уголья) [11, с. 115]. Можно сделать вывод, что это продуктивная структурная модель для загадок (ср. в псковском материале Полнабочечка вина, нигде дырочки нема (Яйцо) / Полна печь пирогов, а в середине каравай (Звезды и небо). Сло-

ва засек, засека, засечек в толковых словарях литературного языка отсутствуют, следовательно, их можно считать диалектизмами.

Как и в общерусском детском фольклоре, в псковском материале многочисленны загадки о представителях животного мира: Стоит копна посреди двора, спереди вилы, а сзади метла (Корова) / Хвост крючком, нос пятачком (Свинья) / Мягкие лапки, а в лапках – царапки (Кошка) / С хозяйкой дружит, а на чужих лает, в дом не пускает (Собака) / С хозяином дружит, дом сторожит, живет под крылечком, а хвост крючком (Собака) / Хвост с узорами, сапоги со шпорами (Петух) / Не воин, а со шпорами, не караульщик, а кричит (Петух) / Зимой спит – летом ульи ворошит (Медведь) / Летом – серый, а зимой – белый (Заяц) / Маленький, беленький по лесочку прыг-прыг, по снежочку тык-тык (Заяц) / В гору бегом, а с горы кувирком (Заяц) / Под соснами да под елками бежит подушка с иголками (Еж). Зашифрованный в описательной части один и тот же объект (собака, петух, заяц), как видим, может быть заменен разным метафорическим эквивалентом, что говорит о том, что человеком подмечаются и актуализируются разные признаки. Не всегда можно установить, откуда ведут начало традиции наделения животного тем или иным свойством, но в любом случае важно отметить, что это свойство прочно срастается со своим носителем и начинает восприниматься как его неотъемлемая черта.

В загадках образы растительного мира одушевляются: На поле растут две сестрички, желтый глазок, белые реснички (Ромашка) / Сидит девица в темнице, а коса на улице (Морковь) / Ни окошек, ни дверей, полна горница людей (Огурец) / Ни щелей, ни дверей, а полна горница людей (Огурец) / Сто одежек, и все без застежек (Капуста) / Семьдесят одежек, все без застежек (Капуста) / Семьдесят одежек, все без застежек (Лук) / Сидит дед во сто лет, на нем сто одежек, и все без застежек. Кто его раздевает, тот слезы проливает (Лук) / Зимой и летом – одним цветом (Ель) / Сквозь землю прошел, красну шапочку нашел (Гриб) / Сам алый, сахарный, кафтан зеленый, бархатный (Арбуз). Материал демонстрирует, что одному и тому же явлению посвящены несколько вариантов загадки (капуста), различающихся только числительным. А иногда одна и та же загадка имеет две разные отгадки (капуста и лук). В образах отгадок скрыта идея множественности, собирательности.

В загадках представлена яркая иносказательная репрезентация объектов и явлений природы: Летит орлица по синему небу, крылья распластала, солнышко застала (Туча) / Поле широкое, овцы не считаны, пастух рогатый (Небо, звезды, месяц) / Лежит – молчит, когда умрет, тогда заревет (Снег) / Эта гладкая дорога проживет совсем немного, как пойдет по ней весна – вся разрушится она (Лед) / Прошла Маланья – загложась пламя. Прошел Пахом – затрясся дом (Молния и гром) / Чашечка горошку рассыпана на дорожку (Звезды). А.Н. Афанасьев, говоря о зооморфных образах, отмечает, что впечатление быстроты сблизило стихии с птицею [1, с. 152]. Так в загадке туча сравнивается с орлицей. Материал демонстрирует, что в жанре загадки сохраняются элементы антропоморфизма, когда природа выступает как подобие человека. Месяц часто изображается в загадках рогатым пастухом. Основное занятие месяца – пастушество (звезды сравниваются с овцами). В архаических культурах пастух связывается с защитой, покровительством, предводительством, высшей властью [19, с. 184].

Фольклорные архивные записи не отражают контекст, в котором реализуются поддевки, дразнилки, загадки. В исследовательских целях этот контекст моделируется. В связи с этим загадки также могут рассматриваться как элемент провокативного дискурса: загадывающий загадку как бы провоцирует коммуниканта, проверяет его сообразительность и интеллектуальные способности.

Выводы

Псковский фольклор – часть общерусского фольклора, и тексты многих жанров, в том числе и детского фольклора, записанных на Псковщине, представляют варианты известных общерусских сюжетов. Региональная специфика проявляется в языковых диалектных особенностях в области фонетики, лексики, грамматики, однако в жанрах детского фольклора они малочисленны. Псковский материал лишь подчеркивает универсальность принципов организации и функционирования поддевок, дразнилок, загадок и в детском дискурсе.

Форма представления детских фольклорных текстов в виде ЭБД, с одной стороны, выявила их жанровое многообразие и дискретность (считалка, загадка, колыбельная, поддевка-загадка, дразнилка, скороговорка, молчанка, закличка, небылица-перевертыш, мирилка, докучная сказка, игровой припев, поддевка, зазывка, стишок, игровой зачин, жеребьевка, потешка), а с другой стороны, показала и их континуальный характер – как детский фольклорный дискурс. Детский фольклорный дискурс регионального характера проявляется во взаимодействии различных дискурсов: детского и взрослого, соматического и гастрономического, зооморфного и антропоморфного.

Моделирование условий бытования поддевок, дразнилок, загадок показывает реализацию провокативного дискурса. Цели провокации обуславливают и разную степень провокативности каждого жанра. Если поддевки призваны раззадорить, поддеть собеседника, если загадки проверяют интеллектуальность коммуниканта и провокативность этих жанров проявляется потенциально, то дразнилки – это пример прямой провокации.

Исследование отдельных жанров ЭБД, рассмотренных в коммуникативно-дискурсивном аспекте, не только позволяет описать их этнокультурный и этнопедагогический потенциал, но и установить коммуникативные интенции, функционирующие в субкультуре детства.

Список источников

1. Афанасьев А.Н. Зооморфические божества у славян: птица, конь, бык, корова, змея и волк // Происхождение мифа. М., 1996. С. 152.
2. Бабарыкина Н.В. Культурный кластер как средство развития этнокультурных ценностей студенческой молодежи // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 3 (89). С. 175 – 180.
3. Большакова Н.В. Модель мира детства в фольклорном дискурсе (на материале региональных текстов детского фольклора) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 1065 – 1069.
4. Большакова Н.В. Цифровой кластер как система электронных форм представления региональной народной культуры и языка // Русский язык: прошлое, настоящее, будущее (аннотированные доклады, презентации, статьи). Альманах «ГОВОР» / отв. ред. С.В. Лесников. 2022. № 9. 1293 с.
5. Большакова Н.В., Митченко З.В. Мир детства в мифологических рассказах южной Псковщины (к вопросу о народной педагогике) // Севернорусские говоры. 2020. № 19. С. 140 – 157.
6. Виноградов Г.С. Детская сатирическая лирика. Иркутск: Издание Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества, 1925. 44 с.
7. Воробьева Л.Б., Митченко З.В. Социокультурный феномен детства в аспекте этнопедагогике // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11. № 1. С. 288 – 292.
8. Данюшина Л.А. Детский дискурс как феномен формирующейся языковой личности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ростов-на-Дону, 2014. 31 с.
9. Козлов А.Е., Саженин И.И. Провокативный дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (27). С. 142 – 153.
10. Моргунова Л.А. Детский дискурс: репрезентация специфики детского мышления // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2013. № 1. С. 86 – 92.
11. Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Л.А. Ивашко, Д.М. Поцепни, М.А. Тарасовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. Вып. 12. 336 с.
12. Саенко М.И. Междискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве колыбельной (на материале фольклорных и авторских колыбельных песен) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 4 (51). С. 7 – 14.
13. Смольников С.Н. Антропонимы в детской дразнилке // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 808 – 813.
14. Степанов В.Н. Провокативный дискурс как одна из форм педагогической работы // Интеграция в образовании. 2004. № 3 (36). С. 142 – 147.
15. Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации: дис. ... докт. филол. наук: 10.01.10. Санкт-Петербург, 2005. 38 с.
16. Стрелкова О.В. Детская субкультура как компонент социального развития старших дошкольников // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 5. С. 91 – 99.
17. Харченко В.К. Метафорический строй народной загадки // Переносные значения слова. М., 2009. С. 154 – 168.
18. Чумак-Жунь И.И., Ковалева С.В., Саенко М.И. Лингвопрагматические и лингвокультурные аспекты детского фольклорного текста // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 98 – 107.
19. Шестеркина Н.В. «Следы» язычества в русских народных загадках // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 10. С. 176 – 185.

References

1. Afanasyev A.N. Zoomorphic deities of the Slavs: bird, horse, bull, cow, snake, and wolf. The Origin of the Myth. Moscow, 1996. 152 p.
2. Babarykina N.V. Cultural cluster as a means of developing ethnocultural values of student youth. Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2019. No. 3 (89). P. 175 – 180.
3. Bolshakova N.V. Model of the world of childhood in folklore discourse (based on regional texts of children's folklore). Philological sciences. Issues of theory and practice. 2022. Vol. 15. Iss. 4. P. 1065 – 1069.
4. Bolshakova N.V. Digital Cluster as a System of Electronic Forms for Presenting Regional Folk Culture and Language. Russian Language: Past, Present, Future (annotated reports, presentations, articles). Almanac "GOVOR". Ed. S.V. Lesnikov. 2022. No. 9. 1293 p.
5. Bolshakova N.V., Mitchenko Z.V. The World of Childhood in Mythological Stories of Southern Pskov Region (Towards Folk Pedagogy). Northern Russian Dialects. 2020. No. 19. P. 140 – 157.
6. Vinogradov G.S. Children's Satirical Lyrics. Irkutsk: Publication of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society, 1925. 44 p.
7. Vorobyova L.B., Mitchenko Z.V. Sociocultural Phenomenon of Childhood in the Aspect of Ethnopedagogy. Samara Scientific Bulletin. 2022. Vol. 11. No. 1. P. 288 – 292.
8. Danyushina L.A. Children's Discourse as a Phenomenon of the Developing Linguistic Personality: Diss. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.01. Rostov-on-Don, 2014. 31 p.
9. Kozlov A.E., Sazhenin I.I. Provocative Discourse as an Object of Linguistic Analysis. Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. 2015. No. 5 (27). P. 142 – 153.
10. Morgunova L.A. Children's Discourse: Representation of the Specifics of Children's Thinking. Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences. 2013. No. 1. P. 86 – 92.
11. Pskov Regional Dictionary with Historical Data. Edited by L.A. Ivashko, D.M. Potsepny, M.A. Tarasova. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 1996. Iss. 12. 336 p.
12. Saenko M.I. Interdiscursive Interaction in the Textual Space of a Lullaby (Based on Folklore and Author's Lullabies). Current Issues in Modern Philology and Journalism. 2023. No. 4 (51). P. 7 – 14.
13. Smolnikov S.N. Anthroponyms in Children's Teasers. Russian Culture of the New Century: Problems of Studying, Preserving, and Using Historical and Cultural Heritage. Vologda: Knizhnoe sledstvo, 2007. P. 808 – 813.
14. Stepanov V.N. Provocative discourse as one of the forms of pedagogical work. Integration in education. 2004. No. 3 (36). P. 142 – 147.
15. Stepanov V.N. Provocative discourse of mass communication: dis. ... Doctor of Philological Sciences: 10.01.10. St. Petersburg, 2005. 38 p.
16. Strelkova O.V. Children's subculture as a component of social development of senior preschoolers. Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. 2013. Iss. 5. P. 91 – 99.
17. Kharchenko V.K. Metaphorical structure of a folk riddle. Figurative meanings of a word. Moscow, 2009. P. 154 – 168.
18. Chumak-Zhun I.I., Kovaleva S.V., Saenko M.I. Lingvopragmatic and linguacultural aspects of children's folklore texts. Research result. Social and humanitarian studies. 2022. Vol. 8. No. 1. P. 98 – 107.
19. Shesterkina N.V. "Traces" of paganism in Russian folk riddle. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2009. No. 10. P. 176 – 185.

Информация об авторах

Воробьева Л.Б., кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», lina5558@yandex.ru

Митченко З.В., кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», mitchenko@pskgu.ru